Они возомнили, что

не уступают богам,

они гордились властью над небом и землей.

Они были сильны своими познаниями,

но слабы мудростью,

они жаждали все больше власти,

сокрушая беззащитных.

– Священное писание Морригана, том IV

Терравин за следующим поворотом – твердила Паулина. Она повторила это раз десять, не меньше. Ее радостное возбуждение передалось и мне, когда она в самом деле начала узнавать местность. Мы миновали громадное дерево с множеством вырезанных на коре имен любовников, а проехав еще немного, оказались у развалин. Остатки полукруглой мраморной колоннады напомнили мне беззубый рот старика. Далеко впереди виднелся холм, вершину которого венчал сверкающий синий резервуар в окружении можжевеловых кустов. По этим знакам Паулина определила, что мы почти у цели.

Мы были в пути уже десять дней и могли бы доехать сюда быстрее, но два дня петляли, чтобы запутать преследователей – на случай, если отец пустил ищеек по нашему следу.

Онемевшая Паулина смотрела, как я, свернув потуже свадебное платье, зашвырнула его в самую гущу зарослей ежевики. Она только ахнула, когда я, срезав кинжалом драгоценные камни с накидки, намотала ткань на деревяшку и решительно бросила в реку. Если накидку найдут и опознают, то могут решить, что я утонула. При мысли о том, что будет с родителями, когда им принесут эту страшную весть, я чуть было не раскаялась в содеянном – но потом вспомнила, что они хотели не просто отдать единственную дочь замуж за нелюбимого, но и отправить жить в незнакомую, вчера еще враждебную страну. Проглотив комок, вставший в горле от незаслуженной обиды, я молча проводила взглядом уплывающую накидку, которую надевали в день свадьбы моя мать, бабушка, прабабушка и их матери.

Часть камней мы продали в Луизвеке, большом городе далеко в стороне от нашего пути – накинув сверху три синих сапфира, чтобы торговец забыл, что видел нас. Было так приятно чувствовать себя дерзкими преступницами, что, выехав снова на большую дорогу, мы расхохотались от восторга. Торговец поглядывал на нас недоверчиво, как на воровок, но не сказал ни слова, слишком выгоден был обмен.

Мы повернули назад, проехали несколько миль по дороге и снова свернули на восток. На окраине деревушки мы нашли стоящий особняком дом и обменяли наших великолепных скакунов на трех осликов. Остолбеневший крестьянин получил еще несколько монет за молчание.

Две девушки, прибывшие в Терравин на чистокровных морриганских лошадях, сразу привлекли бы внимание, в котором мы не нуждались. Третий осел не был нам нужен, но крестьянин настаивал – ослики неразлучны, без двух братьев третий пропадет. И правда, ослик потрусил за нами даже без привязи. Крестьянин назвал их Отто, Нове и Дьечи. Я оседлала Отто, самого крупного, бурого, с белой мордой и забавным длинным хохолком между ушами. За эти дни наша одежда истрепалась и покрылась дорожной пылью, а сапоги из мягкой кожи покрылись комьями грязи – неплохая маскировка. Вряд ли нас будут долго разыскивать, а я только и мечтала, чтобы нас оставили в покое. Мечта о Терравине вот-вот должна была сбыться.

Мы были уже совсем рядом, я это знала. В воздухе, в солнечном свете появилось что-то неуловимое, теплое, будто ласковый голос. Дом. Дом. Глупость, конечно. Терравин никогда не был мне домом, но как знать, возможно, он станет им.

Ехать оставалось совсем немного, когда вдруг я испуганно вздрогнула, услышав странный звук позади нас – уж не грохот ли копыт? Как ищейки отца обойдутся со мной, меня не волновало – но вот что они сделают с Паулиной? Если нас поймают, я скажу им, что заставила служанку бежать со мной против ее воли – так я решила с самого начала. Оставалось убедить Паулину придерживаться той же версии – в высшей степени правдивой.

– Там! Смотри же! За деревьями! – закричала Паулина, показывая вдаль. – Блестящее, синее! Это Терравинский залив!

Я вытянула шею, но ничего не смогла различить, кроме величественных сосен, поросли молодых дубов, да выжженной травы на холмах. В нетерпении я принялась подгонять Отто – забыв, что это животное невозможно заставить двигаться быстрее. Наконец, за поворотом дороги нам открылся вид не только на залив, но и на весь Терравин – большое рыбацкое поселение.

Все было в точности, как описывала Паулина.

У меня перехватило дыхание.

Аквамариновый полукруг залива, на воде покачиваются красные и желтые лодки, одни под белыми парусами, другие с большими гребными колесами, поднимающими бурун за кормой. Были и такие, у которых вода пенилась по бокам, от двух рядов весел. С расстояния они казались детскими игрушками. Но я знала, ими управляют люди, рыбаки громко перекликались, хвалились уловом, ветер доносил их голоса, разделял их радость, дышал их историями. Кое-кто из них направлялся к длинному причалу на берегу, по которому муравьями деловито сновали человеческие фигурки. Но самым изумительным были, пожалуй, дома, что окружали залив и карабкались в гору: лазурные, вишнево-красные, апельсиново-оранжевые, сиреневые, цвета лайма – гигантская фруктовая ваза с Терравинским заливом в центре да темно-зеленые пальцы леса, опускающиеся с гор, чтобы удержать все это щедрое разноцветье.

Теперь я понимала, почему Паулина всегда мечтала вернуться в родные края, откуда ее увезли

после смерти матери. Девочку отправили к дальней тетушке в северные пределы, а потом, когда та слегла, передали на воспитание еще одной родственнице, с которой они даже не были знакомы – камеристке моей матушки. Паулина была чужой в нашей стране, но у нее хотя бы оставались корни и место, куда можно вернуться. Место, которое – я поняла это сразу же – могло стать домом и для меня, место, где о бремени моего положения никто не знал. В груди шевельнулась неожиданная радость. Вот бы мой брат Брин оказался сейчас здесь, с нами. Он любил море.

Голос Паулины отвлек меня от раздумий.

– Что случилось? Вы не проронили ни слова. О чем вы задумались?

Я отвернулась, чтобы скрыть слезы на глазах.

– Я думаю… если мы поторопимся, то сможем искупаться до ужина. – Я хлопнула Отто по спине. – А ну, кто первый!

Паулина не собиралась уступать, она принялась криками и тычками подгонять своего осла и вскоре обогнала меня.

Однако, выехав на главную улицу городка, мы притихли. Забрав волосы под шапки, мы надвинули их на самые брови. Терравин мал и расположен в захолустье, но все же и там могли оказать королевские гвардейцы – или сыщики. Я опустила голову пониже, но это не мешало мне восторгаться. Звуки! Запахи! Даже цокот ослиных копыт по мостовым из терракотовых плит казался мне чудесной музыкой. Все было другое, ничто не напоминало Сивику.

Мы миновали площадь, всю в тени громадной смоковницы. Под исполинским зонтом ее кроны резвились дети, музыканты играли на флейте и гармонике, а за столиками, поставленными вокруг ствола, мирно беседовали горожане.

Чем ближе к центру городка, тем живее кипела торговля. Здесь полощется на ветру настоящая радуга платков и шарфов, там, радуя глаз, красуются горы глянцевых баклажанов, аккуратными рядами уложены полосатые тыквы, кружевной фенхель, круглые румяные репки. Даже скобяная лавка была выкрашена жизнерадостной голубой краской. Приглушенных, мрачных тонов, столь обычных в Сивике, не было вовсе – здесь цвета ликовали и пели.

На нас никто не смотрел, и мы смешались с толпой прохожих – два человека возвращаются после трудового дня в доках, а может, просто усталые путники в поисках постоялого двора. В брюках и шапках мы походили на тщедушных пареньков. Разглядывая город, о котором столько слышала от Паулины, я невольно улыбалась, но улыбка сошла с лица, стоило мне заметить троих конных гвардейцев, ехавших нам навстречу. Паулина тоже увидела опасность и натянула было поводья, но я прошипела: «Езжай как ехала. Только опусти голову».

Ни живы, ни мертвы, мы продолжили путь. Солдаты хохотали, шутили друг с другом, их кони

двигались спокойным шагом. Позади катилась повозка с еще одним гвардейцем на козлах.

Солдаты проехали, не взглянув на нас, и у Паулины вырвался облегченный вздох:

– Уф, я забыла. Вяленая и копченая рыба. Каждый месяц они приезжают, чтобы пополнить запасы для восточного гарнизона.

– Только один раз в месяц? – уточнила я.

– Так мне помнится.

– Это удачно для нас. Теперь мы долго о них не услышим. Да к тому же никто из них не знает меня в лицо.

Паулина бросила на меня взгляд и поморщила нос:

– В таком виде вас все равно никто не признает, ну разве что морриганские поросята.

Словно поняв, о чем идет речь, Отто вдруг решительно свернул к морю, и мы, хохоча, наперегонки побежали купаться.

* * *

Паулина постучала, и низкая дверь постоялого двора распахнулась настежь, женщина приветственно махнула пухлой рукой и тут же скрылась в доме, крикнув через плечо: «Положите там! На сундук!» Сама она уже хлопотала у огромной каменной печи, деревянной лопатой вынимая испеченные караваи. Мы с Паулиной замерли на пороге, и это, наконец, привлекло внимание женщины.

– Я же сказала… – начала она. – Гм. Вы разве не рыбу принесли? Побирушки, что ли?

Женщина ткнула в сторону корзины.

– Берите по яблоку и по лепешке, да идите своей дорогой. А как схлынет народ, зайдите. Оставлю вам горячей похлебки.

Она тут же на что-то отвлеклась, громко позвала кого-то. Вошел высокий угловатый парнишка. В руках у него был сверток из мешковины, из которого торчал хвост крупной живой рыбины.

– Голова садовая! Где моя треска? Прикажешь мне готовить похлебку из костлявого окуня?

Она вырвала рыбину из рук подростка, бросила ее на колоду для рубки мяса и одним решительным движением топора отсекла ей голову. Видимо, решила я, окунь все-таки пойдет в дело.

Так вот она какая, Берди. Амита Паулины. Ее тетушка. Но не по крови – эта женщина дала матери Паулины работу и кров, когда та, овдовев, осталась без гроша с младенцем на руках.

В считаные секунды рыбина была искусно выпотрошена, избавлена от костей и брошена в кипящий котел. Вытирая о передник сырые руки, Берди снова обратила внимание на нас и вопросительно вздернула одну бровь. Смахнув со лба седой – соль с перцем – завиток, она проворчала:

– Вы еще здесь? Я ведь, кажется, сказала…

Паулина шагнула вперед, сдернула с голову картуз, и ее длинные золотистые волосы рассыпались по плечам.

– Амита?

Женщина застыла. Потом сделала неуверенный шажок и прошептала:

– Малышка Полли?

Паулина кивнула.

Берди распахнула объятия и крепко прижала Паулину к груди. После долгих причитаний и восклицаний Паулина, наконец, высвободилась и повернулась ко мне.

– А это моя подруга, Лия. Боюсь, мы с ней попали в переплет.

Берди округлила глаза, усмехнулась.

– Что бы там ни было, а горячая ванна и сытный обед вам не повредят.

Она пулей устремилась к откидной дверце, рывком распахнула ее и, сунув голову, прокричала: «Гвинет! Я ушла ненадолго. Пусть Энцо тебе поможет!»

Раньше, чем дверца закрылась, я успела увидеть женщину неопределенного возраста, изрядно располневшую от собственной готовки, но шуструю и проворную. Из зала за кухней доносился гул голосов и звон тарелок. Не обращая на это внимания, Берди проводила нас к черному выходу.

– Что за неслух этот Энцо – и ведь способный парень, но уж такой ленивый, ему бы только спать целый день. Весь в своего малахольного папашу. Но мы с Гвинет его воспитываем. Выправится. А то ведь помощников нынче днем с огнем не найти.

Следом за ней мы поднялись по щербатым каменным ступенькам, вырубленным в скале прямо за постоялым двором, а потом спустились по извилистой, устланной листьями тропке к темному дому, стоявшему поодаль. Сразу за ним начинался лес. Берди взмахом указала на большую металлическую бочку, стоявшую на сложенном из кирпичей очаге.

– Он хотя бы не забывает поддерживать огонь, чтобы гости могли помыться в горячей воде, а вам это сейчас нужнее всего, с дороги-то.

Я услышала доносящееся откуда-то из лесу нежное журчание и вспомнила ручей, который описывала Паулина. На его берегах она резвилась и играла с матерью, бросая камушки в прозрачную воду.

Берди отвела нас в дом, извинилась за пыль и беспорядок, объяснив, что протекает крыша, так что комната сдается в крайних случаях, при наплыве постояльцев – а сейчас как раз такой случай. Постоялый двор полон, остается только сарай. Берди зажгла светильник и вытащила из угла на середину комнаты большую медную лохань. Подолом передника она утерла пот со лба – впервые выдав свою усталость.

– Ну, что же за неприятности у вас, таких молоденьких? – внимательный глаз ощупал наши животы. – Уж не от парней ли?

Паулина вспыхнула.

– Нет, Амита, ничего подобного. Да это и не неприятность, вообще-то. Во всяком случае, ничего страшного.

– Собственно говоря, неприятность у меня, – я выступила вперед и впервые подала голос. – А Паулина мне помогает.

– О. Надо же, ты все-таки умеешь говорить.

– Может, вам лучше присесть…

– Давай, Лия. Лия, верно? Говори смелее – чего я только не слыхала на своем веку.

Берди присела на край лохани, с ведром в руке, готовая услышать мои скорые объяснения. Я решила дать их ей.

– Все верно, Лия. Принцесса Арабелла Селестина Идрис Джезелия, Первая дочь дома Морриган, если быть точной.

– Ее королевское высочество, – пискнула Паулина.

– Была ее королевским высочеством, – поправила я.

Берди склонила голову набок, словно не была уверена, что расслышала правильно. Потом краска сбежала с ее лица. Не сводя с меня глаз, она нащупала кроватный столбик и грузно опустилась на матрас.

– Что все это значит?

Мы с Паулиной принялись сбивчиво рассказывать. Берди не произнесла ни слова, что, как мне показалось, было ей несвойственно, и было заметно, как от ее молчания усиливается тревога Паулины.

Когда все было сказано, я шагнула к Берди.

– Мы уверены, погони за нами не было. Я немного умею заметать следы. Мой брат – опытный лазутчик в королевской гвардии. Но если мое присутствие доставляет вам неудобства, я уйду.

Берди продолжала сидеть молча, как будто пытаясь до конца осознать услышанное, одна ее бровь вопросительно выгнулась. Наконец, женщина поднялась.

– Прялки-моталки, да уж конечно, ваше присутствие доставляет мне неудобство! Но разве я сказала хоть слово о том, что вам надо уйти? Вы останетесь, прямо в этой комнате. Обе. Но я не могу обещать…

Я оборвала ее на полуслове, догадавшись, о чем пойдет речь.

– Мне не нужно никакого особого внимания. Я пришла сюда, потому что хотела настоящей жизни. А это подразумевает, что я собираюсь зарабатывать на жизнь, сама. Дайте мне любую работу, я с радостью возьмусь за нее.

Берди кивнула.

– Это мы обсудим позже. А сейчас вам обеим нужно искупаться и поесть. – Она поморщилась. – Именно в таком порядке.

– Еще одно, – я расстегнула рубашку и, повернувшись, спустила ее до пояса. При виде моей

изысканной свадебной кавы Берди сдавленно ахнула. – Мне нужно вывести это со спины как можно скорее.

Я услышала сзади шаги и почувствовала осторожное прикосновение.

– Обычные кавы держатся две-три недели, но такая… это может занять больше времени.

– Они пригласили лучших мастеров и использовали лучшие красители.

– Нужно каждый день принимать ванну, – посоветовала Берди. – А я дам тебе жесткую щетку и хорошее мыло.

Я поблагодарила ее и натянула рубашку. Обнявшись с Берди на прощание, Паулина затворила дверь и подняла ведро с пола.

– Вначале вы, ваше высочество…

– Прекрати! – Я вырвала у нее ведро. – С этого дня я больше не «ваше высочество». Эта часть моей жизни ушла навеки. Отныне я просто Лия, и ты говоришь мне «ты». Ты поняла, Паулина?

Наши глаза встретились. Вот оно. Мы обе поняли, что сейчас задуманный нами план начал приходить в действие. На этот план мы обе возлагали надежды, но никогда до конца не верили, что сможем его осуществить. И вот – свершилось. Паулина улыбнулась и кивнула.

– И ты идешь купаться первая, – прибавила я.

Паулина распаковывала наши вещи, а я тем временем бегала с ведром за водой и наполняла медную лохань. Потом я терла спину Паулине так же, как она столько раз терла мою. Когда, наконец, она опустилась в воду, глаза у нее слипались от усталости. Я решила, что лучше схожу искупаться на ручей – пусть Паулина не торопится и наслаждается мытьем, сколько хочет. Мне никогда не отблагодарить сполна ее за все, что она для меня сделала. Этот небольшой знак внимания – единственное, что я могла предложить ей сейчас.

После слабой попытки воспротивиться Паулина все же рассказала мне, как пройти к ручью, велев держаться на мелководье. Она объяснила, как отыскать маленькую укромную заводь в зарослях кустарника. Я дважды повторила, что обещаю быть очень осмотрительной – хотя, по словам самой же Паулины, она ни разу не видела там ни души. Я не сомневалась, что в час обеда буду там одна.

Найдя заводь, я не мешкая сбросила грязную одежду на траву, рядом с чистой сменой. Окунулась, слегка поежившись, хотя вода была не в пример теплее, чем в реках Сивики. Окунувшись с головой, я вынырнула и набрала полную грудь воздуха – воздуха свободы, каким никогда не дышала прежде.

Отныне я просто Лия. С этого дня и навсегда.

Это было сродни крещению – очищение, глубокое, полное. Вода стекала по лицу, капала с подбородка. Терравин был не просто новым домом. Это мог предложить мне и Дальбрек, но к нему я испытывала бы простой интерес, как к любой незнакомой стране, никак и ничем не отозвавшейся в моей собственной судьбе. Терравин же сулил мне новую жизнь. Это было захватывающе интересно и вместе с тем страшило. Что если я никогда больше не увижу братьев? Что если и эта жизнь не сложится? Но все, что я видела вокруг, вдохновляло меня, даже ворчунья Берди. Так или иначе, я добьюсь, чтобы эта новая жизнь принесла мне счастье.

Ручей оказался шире, чем я представляла, но, помня о своем обещании Паулине, я послушно держалась на мелководье. Заводь была тихая и чистая, с дном из крупной речной гальки, вода едва доходила мне до плеч. Я, покачиваясь, лежала на спине, рассеянно блуждая взглядом по филигранному пологу из дубовых и сосновых ветвей. Опускались сумерки, тени становились все глубже. В домах на склоне горы загорались огни, теплый золотистый свет пробивался меж стволов, Терравин готовился к вечернему поминанию. Я с удивлением поймала себя на том, что напряженно прислушиваюсь, ожидая услышать песнопения, которые вечером поются по всему Морригану. Впрочем, вечерний ветерок доносил издалека лишь обрывки мелодии.

Я тебя разыщу…

В самом дальнем краю…

Я замерла, склонив голову набок, вслушиваясь. Слова обжигали, они звучали пылко, напористо, совсем не так, как священные поминовения там, дома. Я не могла определить, откуда этот текст, но Священное писание велико.

Мелодия затихла, унесенная порывом прохладного ветра, теперь был слышен только звук, с которым я ожесточенно скребла себе спину полученной от Берди щеткой. Левое плечо там, где на рисунок попало мыло, сильно щипало – словно между мылом и свадебной кавой разыгралось сражение. Я представляла себе, как с каждым движением щетки дальбрекский лев в ужасе съеживается, чтобы вскоре исчезнуть из моей жизни навек.

Я наскоро окунулась еще раз, смывая мыльные хлопья, покрутилась, пытаясь рассмотреть униженного льва, но тот малый участок кавы, который мне удалось увидеть в тусклом свете – лоза, обвивающая львиные когти у меня на плече – ничуть не поблек и предстал в прежнем великолепии. Десять дней назад я похвалила мастеров. Сегодня я была готова их убить.

Вдруг послышался треск.

Я бросилась в воду и резко обернулась, готовая встретить незваного гостя лицом к лицу.

– Кто здесь? – окрикнула я.

Никто не ответил, только шелестела листва на деревьях. Может, это голубь? Но куда же он

делся так быстро? Я пригляделась к теням, но не увидела движения.

– Наверное, просто хрустнула ветка, – успокаивала я себя. – Какой-нибудь мелкий зверек мог ее задеть.

Или, может быть, просто наш постоялец, выйдя прогуляться, случайно набрел на меня? Я заулыбалась при мысли, что он и сам, должно быть, испугался не меньше моего (и не успел рассмотреть мою спину, как я надеялась). Кавы – знак высокого положения и власти, а эта, если хорошенько приглядеться, явно принадлежала особе монаршей крови.

Я робко выбралась на берег, поскорее натянула чистую одежду и тут заметила небольшого серого кролика, бросившегося удирать в заросли. У меня вырвался облегченный вздох.

Всего лишь зверек. Как я и думала.

http://tl.rulate.ru/book/24822/517119